

18+

НИНА ТИХОНОВА

ДАЛЁКИЕ
и БЛИЗКИЕ

Нина Тихонова
Далёкие и близкие

«Издательские решения»

Тихонова Н.

Далёкие и близкие / Н. Тихонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-646724-8

«Далёкие и близкие» — городское фэнтези о наших современницах. Эвелина, стилист салона красоты, слышала много историй клиенток. Сопереживая, она ломала голову над их проблемами. Заслуживает ли смерти возлюбленный, лишивший тебя ребёнка? Отсутствие эмоций — счастье или проклятие? Не в том ли свобода — вычеркнуть из своей жизни весь мир кроме одного человека? Автор приоткрывает тайны своих героинь, то светлые или смешные, то горькие или трагические. Как к ним относится, ты решишь сама.

ISBN 978-5-00-646724-8

© Тихонова Н.
© Издательские решения

Содержание

Энск. Салон красоты «Афродита»	6
Эвелина, Мастер-стилист	6
Подружка	7
Двое	12
Глава 1. Собеседник	12
Глава 2. Прогулка	13
Глава 3. Предложение	15
Два монолога	17
Девушка с пшеничной косой	19
Русская рулетка	22
Энск. Салон красоты «Афродита»	24
Эвелина, Мастер-стилист	24
Холодное блюдо	25
Глава 1	25
Глава 2	26
Глава 3	28
Глава 4	30
Глава 5	32
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Далёкие и близкие

Нина Тихонова

Редактор Наталья Скоробогатова

Корректор Елена Белова

Иллюстратор Юлия Васильева

© Нина Тихонова, 2024

© Юлия Васильева, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0064-6724-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Энск. Салон красоты «Афродита»

Эвелина, Мастер-стилист

Стричь я начала раньше, чем научилась ходить. Укорачивала волосы каждой кукле не раз, чтобы продлить удовольствие, но всё равно очень скоро они превращались в сестёр-близнецов, поблескивая лысыми головами. Любимые игрушки – ножницы, расчёски, щётки для волос. Профессию не выбирала, она меня выбрала. Уже четверть века я получаю удовольствие от процесса, а ещё большее – от результата.

Служила в модном салоне, принимала в крошечной своей квартирке, потом – в съёмной побольше, теперь – в стильной студии. Дизайн придумала и воплотила сама. Красота внутри меня, потому творю её легко и с любовью.

Женщины всегда чувствуют, когда трудишься над каждым волоском, равняя и укладывая его многократно, когда работаешь с радостью, выверяя малейший оттенок, добиваясь желаемого. Восхищаются, вставая из кресла прекрасной, молодой и новой. Они благодарят и... остаются на годы. Так что у меня уже давно не клиентки, а клуб моих фанаток – их мам, дочерей и даже внучек.

Сколько любовных историй довелось мне услышать, смешных и трагических, серьёзных и курьёзных, от близких, почти родных мне дам!

Хотите присоединиться? Смелей!

Подружка

*Галочке и Игорю Соколовским,
с любовью*

В спецшколу с преподаванием ряда предметов на английском языке отбирали по конкурсу документов. Плюс экзамен на отсутствие дефектов речи. Потому наш четвёртый «б» состоял только из отличников.

В шестом классе мы с Галкой оказались «третьими лишними»: обе наши соседки по парте выбрали себе других подружек, и мы сели вместе, как друзья по несчастью. Не уверена, что сделали бы это, если б могли выбирать. Особой симпатии со стороны Галки я не чувствовала, да и сама ею не восхищалась: слишком молчаливая и тихая, на мой взгляд. «Родители с именем угадали: означает спокойствие и безмятежность», – подумала я и, ошиблась. У моей подружки внутри оказались железный стержень и негибкая воля.

Первый урок Галка мне преподавала, когда большая компания собралась поехать на пляж за город.

Состояние моё было неважным по естественной причине, и я решила, что этого достаточно, чтобы никуда не идти. Вдруг раздался звонок в дверь. На пороге стояла разъярённая Галка, за ней маячила Таня. Только они двое из десятка вчера собиравшихся на дикий пляж и явились к месту встречи. Прождав почти час, Галка решила потребовать ответа за предательство: так она расценила нарушение данного мною обещания. Выпалила свой приговор мне в лицо, развернулась и, схватив Татьяну за руку, гордо пошла вниз по лестнице.

Не знаю, подружка, помнишь ли ты эту историю. Но пережила жуткий стыд, поставив себя на твое место, я на всю жизнь запомнила этот урок. Стараюсь не обещать того, что не исполню. А если не могу исполнить то, что обещала, предупреждаю, чтобы человек не тратил время и нервы на пустое ожидание. Знаешь, не все меня понимают, многие даже считают излишне жестокой, когда требую того же от других. Но уверена, что афоризм Козьмы Пруткина «Единожды солгавши, кто тебе поверит» – истина, что ложь и предательство начинаются с маленькой безответственности, а дружба, как и любовь, без доверия существовать не может. Спасибо, подружка! Тебя этому научили твои родители, оба прошедшие Великую Отечественную войну? Отец – офицер Советской армии, и мама – медсестричка.

Школьные наши будни состояли не только из уроков, был ещё хор с выступлениями в «Интуристе». Так назывался гостиничный комплекс для иностранцев. Были спортивные соревнования, наша сборная по баскетболу, радость победы на школьном первенстве, подготовка вечеров старшеклассников, стенгазета, поход в горы и много чего ещё. Чем больше мы общались, тем больше ты мне нравилась, тем ближе мы становились. Прозвенел последний звонок, отшумел выпускной бал. Завершено обучение, но не наша дружба.

Второй раз ты меня не удивила, а потрясла, когда отказалась выйти замуж из благодарности и по желанию родителей. Да, он был добрый, внимательный, работающий. Да, он ждал тебя с твоих четырнадцати лет, когда увидел в первый раз. Да, он опекал тебя почти год, когда ты училась на курсах подготовки в институт. Да, мама очень хотела, чтоб ты была счастлива, но... Сама-то мама прожила жизнь с любимым мужчиной, а ты? Готова ли ты была отказаться от любви ради спокойного ровного существования?

Мы не говорили с тобой об этом, но как представляю, что ты пережила! Душа твоя металась между долгом (он же тратил на тебя время, а иногда и в кино, театр водил), мамиными уговорами (честный, порядочный, заботливый) и собственным желанием любить. Детская первая любовь – только взгляды, улыбки и наблюдение издалека. А вся русская литература о чём, так и не узнать самой? Как сказать «нет», – когда день назначен, платье сшито, гости из других

городов приглашены, продукты на стол закуплены? Как у тебя хватило сил и смелости перед всем миром отстаивать своё право на любовь?! Восхищаюсь тобой, подружка моя!

Судьба испытывала твоё желание на прочность. Ты этот экзамен выдержала. Чтобы никому не быть обязанной, поступила на заочный и осталась в родном городе, и как-то, собираясь в детский сад, где работала воспитательницей, раскинула карты. Выпало знакомство с суженым. Смешно стало: откуда в женском коллективе жених возьмётся?

Тот день начался тревожно. Один из воспитанников заболел менингитом. Предстояла полная дезинфекция группы. Чтоб не отравить рыбок, аквариум следовало перенести в другое крыло здания. Крепко держа стеклянный шар перед собой и осторожно ступая по двору, ты краем глаза заметила незнакомую машину, а когда на следующем шаге глянула на водителя, чуть не споткнулась от его горящего взгляда. Это судьба привела тебе суженого.

Игорь, в то время механик автобазы Городского отдела здравоохранения, в свой выходной зашёл на работу к приятелю. Дежурный водитель заболел, и отзывчивого механика попросили отвезти врача на вызов. Так судьба привела его к тебе.

– Влюбился с первого взгляда. Огромные серые глаза на пол-лица, тоненькая талия, ладонями можно обхватить, улыбка – с ума сойти. Понял сразу: моя. Понять-то понял, а как на свидание пригласить?

И тут свою роль сыграл врач – из благодарности решил задачку мгновенно.

– Во сколько ты работу заканчиваешь? – тебя спросил и, дождавшись ответа, добавил: – Игорь за тобой заедет.

Вы оба не ошиблись, и через полвека твой муж мне признался:

– До сих пор люблю свою жену.

Мы и об этом не говорили, но знаю, знаю, как забилося твоё сердечко от его ошалелого взгляда. В Игорька не влюбиться невозможно: стройный, симпатичный, умный, образованный, море обаяния и юмора. Пара свиданий, из которых он не очень понимал, как ты к нему относишься – ты же партизанка по части сокрытия собственных мыслей и чувств, просто чемпионка среди всех, кого знаю. Знакомство с твоими родителями – и тут же предложение руки и сердца. И об этом мы с тобой не говорили. Но чтобы, повстречавшись в мае, пожениться в августе, надо страстно желать быть вместе. На свадьбе меня не было, так как студенческие каникулы я проводила в Белоруссии, где служил офицером муж, но последующие четверть века, пока он был жив, мы отмечали годовщину вашей свадьбы каждый август.

Моя и твоя дружба переросла в семейную. Наши мужья удивительно совпали во многом, сразу нашли общий язык, как будто были знакомы всю жизнь. А потом и дети. Ваши сын и дочь родились на полтора года раньше, чем наши дочка и сын. И тоже подружились. Особенно старшие.

Приезжали мы в Сочи в разное время, но всегда подгадывали, чтобы провести восемнадцатое августа вместе. Как много самых модных и вкусных мест помнят наши песни и танцы далеко за полночь именно в этот день! Ты же метрдотель ресторана, в котором питаются и отдыхают все звёзды театра и кино. Кстати, самые крутые «герои» лихих девяностых тоже. Наверняка ты видела и слышала много интересных и пикантных подробностей из жизни знаменитостей, но никогда ни разу и словом не обмолвилась ни о ком из них. Полагаю, что это не только черта твоего характера, но и профессионализм высокой пробы, моя дорогая.

А какие удивительно прекрасные места на горных речках в окрестностях Сочи вы нам открыли! Как сейчас вижу: горы, покрытые густой тропической зеленью, и мы у излучины реки – располагаемся так, чтобы быстрое течение несло не больше минуты туда, где можно легко выскочить на берег. Горные речки берут своё начало в ледниках, поэтому даже в жару за тридцать градусов вода не нагревается выше семи – десяти. Но не только резкий контраст температур вызывает выброс адреналина – ещё и бешеная скорость течения, когда даже вода

не выше колена тащит человека, как лёгкую спичку, бросая на камни безо всякой пощады. Зато какой заряд энергии получаешь после каждого такого заплыва! Ты наполняешься бодростью и гордостью, что препятствия преодолены, тело горит, голова ясная, а на блюде поджидает замечательный огромный арбуз с сочной, ноздреватой и от этого лёгкой мякотью! Горы, солнце и друзья: какое счастье!

Игорёк не только любит автомобили и прекрасно в них разбирается, он не просто классный водитель, он – ас! Незабываемы поездки на вашем «Москвиче». Военно-Грузинская дорога, конечно, не европейский автобан, но до чего живописна и прекрасна! Поражают коровы и козы на невероятно длинных ногах, как будто выращенные для конкурсов красоты. Они щиплют травку на макушках высоких отрогов. Уму непостижимо, как могли туда забраться, и ещё более непонятно, как спустятся. Но хозяев это не волнует: животные пасутся сами, пастухов на обозримом пространстве не видно.

А тот незабываемый вечер с шашлыком под вкуснейшее грузинское вино, разговорами далеко за полночь и криком пятилетнего Серёжки на рассвете: «Просыпайтесь! Небо упало! Небо упало!» Пытаясь вылезти из палатки, чувствуем, что дно её в воде, а выбравшись, видим, что два колышка ветер уже вырвал из земли – ещё немного, и палатку унесёт. Снаружи мгла. Серая туча опустилась на нашу полянку, застияла свет и пропитывая всё вокруг влагой. Бегом на автомате бросаем вещи в машину, прыгаем в неё и выскакиваем наверх, к свету – выше тучи.

Уф-ф, кажется, избежали больших неприятностей! Даже страшно подумать, что было бы, если б не послушались моей интуиции и поставили палатки в русле реки. Оно было такое широкое, метров сто, не меньше, чистенькое, все камушки белые.

Но когда сверху, выбравшись к солнцу, мы посмотрели вниз, то ужаснулись: река неслась с огромной скоростью и так разлилась, что захватила не только русло, но и близлежащую дорогу, кое-где размыв её. Ночью в горах прошёл сильный ливень, и нам пришлось больше суток ждать, когда ту отремонтируют.

Справившись со всеми зигзагами и колдобинами, подъезжаем к Тбилиси. Радует широченная, ровная, гладкая автострада. Впереди разыгрывается настоящее шоу: две «Чайки» устраивают гонки по левой от нас полосе. То одна, то другая вырывается вперёд. Окна открыты, и туда-сюда летает бутылка шампанского, рискуя разбить чьё-нибудь лобовое стекло. Пассажиры хохочут, наливают шипучее вино в фужеры и чокаются на ходу, вернее – на лету. Зрелище не для слабонервных продолжается до последней капли вина.

Въехав в город, удивляемся ещё больше: светофор на перекрёстке никому не нужен, каждый едет, куда и когда хочет.

– Так, ставим авто на стоянку и по городу пешком или на пассажирском транспорте, – решает наш ас.

Никого убеждать не приходится: виденного достаточно, чтобы признать этот вариант единственно возможным. И мы прогуливаемся по широкому проспекту Руставели в одну сторону, возвращаемся обратно, заглядывая в боковые улочки. Находим симпатичное кафе и вкусно обедаем, наслаждаясь грузинской кухней. На такси делаем большой обзорный круг по городу.

Жаль, что пришлось уехать на следующий день из-за болезни моей мамы.

А наше путешествие в Крым! Малая земля под Новороссийском, красавица Ялта, домик Чехова, Ласточкино гнездо и Кучугуры, где теперь построен Крымский мост. Тогда, на выезде из посёлка, было огромное поле разнотравья – васильки, ромашки, кашка, иван-чай. Воздух от машины поднимает с его края стайки очень красивых бабочек с яркими сине-оранжевыми крылышками.

Игорь решает сделать несколько снимков. Бегу по траве, и сотни – тысячи бабочек взмывают вверх, образуя над цветами облака разноцветных трепещущих радуг! Снимки есть.

И как же жаль, что на них не разглядеть поразительной красоты, которая предстала пред нами лишь раз в жизни. Если б можно было сделать видео на телефон...

Дорогие мои! Перелистала сегодня воспоминания, которые греют душу. Именно сегодня, потому что завтра восемнадцатое августа – день вашей свадьбы, да не простой, а Золотой.

Поздравляю от души и желаю здоровья, счастья! И любви! Вы пронесли это чувство через всю жизнь. Сменялись эпохи, рушились государства, бушевала природа, а ваш союз, выдержав невзгоды и испытания, и сегодня верный надёжный оплот семьи, уютный и добрый дом для родных, приветливый приют для друзей.

Живите в любви ещё долго-долго! Дарите счастье друг другу, детям и внукам! Радуйте всех, кто вас знает!

Горько!

Двое

Глава 1. Собеседник

Чай пить – приятно жить. Слыхали такую поговорку? Вот и я говорю, что так и есть. Замёрз – чайку попил, согрелся, и опять жизнь хороша. Загрустил – покрепче заварил, медку или конфеточку добавил, и настроение изменилось. Или мил человек в гости пришёл – первым делом чай предложишь. А там беседа потекла, торт ли, пирожные, и не заметили, как по три чашки выпили. Особенно у нас.

Про воронежских водохлёбов слыхали, наверное. Даже на гербе города кувшин, потому что раньше много на правом берегу было родниковых источников, и вода в них очень вкусная – не напиться никак. Вот и по самовару за один раз выпивали, говорят. Сейчас, конечно, поменьше, но чай уважают.

И мудрость его кипячения я постиг давно. Как свисток раздаётся, заварник обязательно крутым кипятком ошпарить, чтобы тёплый был. Чёрного, зелёного – по настроению – ложечку-другую в него, и залить уже кипятком обычным. При простудах часто добавляют имбирь, чёрную смородину, травки, с лета заготовленные. Если хочется экзотики, можно апельсин или грушу. Аромат на всю кухню – от лета привет.

Сегодня без особых изысков: чай с лимоном. Тоже духовитый. Но что-то грустно пьётся хозяину.

За кухонным столом сидел мой высокий сухощавый старик, седой как лунь. А глаза яркие, голубые. Даже удивительно, что за восемьдесят лет ничуть не выцвели. И разум в них светится. Но это-то понятно: всю жизнь головой работал, умственным трудом занимался, читал очень много, да и бумаг немало сочинять приходилось.

– Ну что, «Иваныч», погулять что ли пойти? Ночью дождь прошёл, сыро, но время-то уж к обеду – дорожки высохли, без луж, наверное. Ноги разомну, воздухом подышу. Может, и Она на прогулку выйдет.

Старик сменил спортивный костюм, который носил дома, на джинсы с рубашкой и отправился в прихожую. Кроссовки и спортивная куртка завершили наряд. Вещи, что нравились с юности, стали классикой. И получалось так, что, не гонясь за модой, хозяин мой одевался хорошо всегда.

Хлопнула дверь, щёлкнул замок, он ушёл.

– Надо же, «Иваныч»! Это я, что ли? Друг я ему, конечно. Одинокому человеку и поговорить не с кем, вот со мной и беседует. Теперь и имя придумал. Интересно, а Она-то – это кто? Расскажет, наверное. Впрочем, я и сам, может, увижу, плита-то у окна стоит. У меня весь двор на ладони. И лавочка у первого подъезда, где он любит отдыхать.

Гуляй, дорогой, гуляй. А придёшь – газ подо мной включишь, я тебе воды вскипячу. Свеженькой. Ты же знаешь, с чая лиха не бывает.

Глава 2. Прогулка

Солнышко не просто выглянуло, оно согрело землю. Кажется, прямо на глазах от тепла пробивалась нежная ещё прозрачно-зелёная травка.

Тимофей Ильич, а именно так зовут нашего героя, отправился уже привычным маршрутом вокруг квартала, который про себя называл «Квадрат». Так, представлялось ему, выглядит на карте микрорайон. Только сегодня он не свернул на перпендикулярную улицу, а дошёл до парка и неожиданно для самого себя присел на лавочку. Смотрел на набухшие почки деревьев, на заплутавшую, видно, с прошлого лета бабочку, слушал чириканье расшумевшихся воробьёв, но ничего не видел и не слышал. Вся жизнь проплывала перед глазами.

Он был смел и удачлив, все желания исполнил. Карьера теплоэнергетика сложилась успешно. На крупных объектах в Сибири проявил себя знающим специалистом, среди немногих потрудился и за рубежом. «Берёзка», «Волга» ГАЗ-21, квартира, а самое главное: жена – любимая ещё со студенчества Оленька. Сын – талантливый врач. Внуки, а теперь уже и правнучка в школу пошла. Думал, и доживать будет в комфорте с самой дорогой и родной женщиной – радовались оба, что рядом и лес, и речка, а район новый, без заводов и производств. Никак Тимофей Ильич не ожидал, что жить долго и счастливо не получится.

Ушла Оленька за месяц, сгорела как свечка. Долго не мог он привыкнуть, что остался один. Казалось, слышит, как жена, вешая бельё, поёт на балконе, позвякивает чашками, моет посуду на кухне. Всё мерещилось: сейчас распахнётся дверь, и кинется Оленька ему на шею после долгой разлуки.

Первое время сын приезжал почти каждый вечер, часто на выходные забирал погостить в свою семью, а летом – на весь отпуск на дачу. Когда Тимофей Ильич заметил, что невестка не рада его частому присутствию, а сын устал разрываться между женой и отцом, решил, что пора брать себя в руки и как-то налаживать жизнь, не усложняя её близким.

Больше десяти лет уже живёт сам по себе. Приспособился. Книжки, классическая музыка и фильмы на дисках, которыми щедро делился сын. Со своими сверстниками, которые выходили летними вечерами во двор пообщаться, подружился: подолгу с ними вспоминали прожитое, а то играли в домино или карты. Только уходили они один за другим в никуда, и здесь Тимофей Ильич лет через пять без компании остался.

Иногда наваливалась тоска. Что за интерес читать, если рассказать некому? Тогда он брал записную книжку и начинал обзванивать знакомых в надежде поговорить. И здесь список живых сокращался и сокращался, пока не закончился совсем.

С тех пор и стал Тимофей Ильич беседовать с чайником. Нет, с головой у него было всё хорошо, даже слишком. Прекрасно он осознавал, что ведёт себя, мягко говоря, странно, но ведь не давал обета молчания. Не виноват, что жив и до сих пор обладает отличным здоровьем. Исполнилось его главное желание: с детства занимался спортом, не пил, не курил, а теперь вот пешие прогулки практикует.

Или исполнение желания не всегда благо? С прошлой осени мучается, задаётся вопросами, на которые не находит однозначного ответа. А задумываться стал, когда познакомился с новой соседкой, что переехала в дом с семьёй сына.

Тимофей Ильич считал себя однолюбом. Нет, была в школе первая любовь, он же парень видный, только, как и у многих, завершилась ничем. Получается, тренировка чувств перед любовью по-взрослому. А уж когда Оленьку увидел, сразу стало ясно: без неё жить не сможет. Долго Тимофей добивался, трижды слышал «нет» на предложение выйти замуж, даже когда сюрпризом прилетал с подарками на другой конец огромной страны. Пять лет длилась осада. Но ведь согласилась. Забота, ласка и внимание разморозили сердечко. Прожили хорошую жизнь без единой ссоры, душа в душу.

Никак не ожидал Тимофей Ильич, что может встретить женщину, с которой вздумается общаться, которую захочется видеть, как можно чаще. Пару раз поговорили на лавочке. А потом пришла зима. Татьяна Ивановна выходить почти перестала. Если сталкивались случайно – ограничивались лишь приветствиями.

Все холодные месяцы размышлял Тимофей Ильич о матери троих детей, бабушке пяти внуков, жене офицера, служившего то на Дальнем Востоке, то в Прибалтике. Что успел узнать, было скорей справочной информацией, но и её хватило, чтобы возвращаться и восстанавливать то, о чём не говорилось исходя из своего жизненного опыта, из историй, вычитанных в книгах.

– Извините, не подскажете, где остановка транспорта в центр?

Вопрос прохожего прервал мысли на самом интересном месте. Неужели всю зиму Тимофей Ильич боится себе признаться, что хочет стать ближе к соседке, подружиться, чтобы было кому рассказать что-то интересное, услышать её мнение о прочитанном. Он успел выяснить, что и она любит книги, и память служит ей верно.

Всю обратную дорогу домой бывший инженер анализировал открытие, что как всякий живой человек имеет право чувствовать, а не только размышлять. Особенно занимала его мысль решённого весеннего наступления.

– О, бодро шагает, улыбается. Неужто встретил? Сейчас расскажет, наверное, – в предвкушении новостей от хозяина отметил «Иваныч», наблюдавший за ним с плиты у окна.

Глава 3. Предложение

Никто не любит ждать, но Тимофей Ильич не просто ждал, он готовился к встрече. Продумал всё, чем может привлечь симпатичную ему женщину. Даже к ангелу-хранителю обратился, чем очень удивил Небесную канцелярию – за всю жизнь ни разу не поминал. Опытных свободных ангелов не оказалось, назначили новенького, который стажировку проходил. Умных инструкций понадавали и отправили оберегать старичка, помогать ему. Ангел встречу организовал, нужное настроение у дамы создал. Вроде, ничего не забыл.

Соседи столкнулись неожиданно на маленьком рыночке, что недалеко от дома. Татьяна Ивановна приценивалась к первым огурчикам, помидорчикам, выбрала самые лучшие, но по одному. Поторговалась, и продавщица сбросила немного: обе довольны, законы рынка соблюдены.

– А вы и хозяйка рачительная! Здравствуйте, Татьяна Ивановна, – поприветствовал Тимофей Ильич, подхватывая пакет с овощами. – Позвольте, провожу?

– Не откажусь, благодарю.

По дороге обсудили качество продуктов и цены, ненавязчивый сервис. День был не особо солнечный, но тёплый. Решили подышать воздухом, благо, лавочка у подъезда оказалась свободна.

Обсуждение последних международных новостей к дебатам не привело, так как взгляды совпадали. Как и на то, что современная молодежь не такая серьёзная и ответственная, какими были сами в их возрасте. Посетовали оба, что весна в этом году хоть и ранняя, но не дружная, никак не расшедрится на бурное цветение.

Затянувшуюся паузу Тимофей Ильич нарушил, приступив к главному:

– Дорогая Татьяна Ивановна. Хочу поделиться думами своими, не один день размышлял. Всё у меня есть: прекрасная квартира с бытовой техникой для комфорта и уюта, достаток – уже много лет получаю гораздо больше, чем трачу. Живу-то один, а пенсия хорошая – всю жизнь в руководителях. Не только сына, но и обеих внучек вырастил, теперь уж они во мне не нуждаются. Здоровье отменное, с домашними делами сам справляюсь. Времени, которого так не хватало раньше на книги и отдых, теперь сколько угодно.

Только понял, что от свободы до одиночества – как от любви до ненависти тоже один шаг. Странно в нашем возрасте о любви говорить, но вы мне очень приятны, симпатичны, и мы с вами уже знаем, что в старости влюбляются не в лицо, как в молодости, не в тело, как в зрелости, а в душу. У нас много общих интересов, мы одного поколения, и воспоминания, уверен, окажутся общими. А то я от покинутости уже с чайником начал разговаривать. Вы женщина умная, думаю, догадались, что хочу вам предложение сделать. Давайте жить вместе.

– Тимофей Ильич, весна, похоже, на вас всё же подействовала. Вы о чём? Мне тоже приятно с вами общаться, но я совершенно не планирую никаких перемен. Слышали, наверное, что лучшая новость – это отсутствие новостей? И даже не о болтовне досужих кумушек, которые с радостью станут нам с вами кости перемывать. Ещё не хватало мне на старости лет в содержанки идти! Да муж в гробу перевернётся. Вы так не шутите, пожалуйста.

– Говорю совершенно серьёзно. Вас волнует официальное оформление отношений? Зарегистрируем брак, не вопрос. Только скажите «да», и я всё решу.

– Ох, Тимофей Ильич, а давайте проверим, насколько вы вольны распоряжаться своей жизнью? Представьте, ухожу жить к вам. Моя внучка выходит замуж и занимает мою комнату. Не дай бог, вы оставляете этот мир раньше меня – ваш сын с невесткой тут же выставят меня за дверь. Мой сын, может, легкомысленную мать и примет назад, но какими станут отношения с женой и дочерью?

Нет, как-то вы всё-таки недостаточно хорошо продумали ситуацию. Согласитесь, что не пристало мне в мои лета бездомной остаться только потому, что посочувствовала хорошему человеку.

– О чём Вы, Татьяна Ивановна? Поговорю с сыном. Не станет же он мне мешать дожить, не воя от одиночества? Вы только не отказывайте сразу. А в субботу приедет навестить, всё и решится. Давайте увидимся в воскресенье здесь же?

– Хорошо. За помощь спасибо. Всего доброго! – открыла Татьяна Ивановна дверь в подъезд, отправляясь домой.

– До воскресенья!

– До воскресенья!

Если б Тимофей Ильич верил в ангела-хранителя, он мог бы его поблагодарить. Тот, хоть и начинающий, но сделал всё, о чём подопечный просил: Татьяна Ивановна не отказала, высказала только одно сомнение. Теперь Тимофей Ильич сам должен обещание исполнить. Он в здравом уме и трезвой памяти – мужик же, справится. Сын всегда о нём заботится, добра отцу желает.

Весь воскресный день Татьяна Ивановна выглядывала в окошко неожиданного поклонника, но он так и не появился. Передумал? Заболел? Ладно, найдётся – расскажет, что случилось.

А ведь случилось...

В субботу после разговора с сыном Тимофея Ильича как парализовало. Ему и в голову не приходило, что его добрый мальчик не только не порадуется окончанию одиночества отца. Тот обвинил «эту старую каргу» в распушенности, алчности и маразме, а отца пообещал упечь в психушку, если не понимает: престарелая интриганка просто хочет оттяпать у внучек квартиру. Не слушая никаких доводов, сын наорал на старика и ушёл, хлопнув дверью.

Долго, до самой ночи сидел, не шевелясь, Тимофей Ильич. Ангел слышал, о чём подопечный думает: жизнь бессмысленна, когда ты никому не нужен. Да и ему она зачем, если исчезли желания? А то единственное, которое могло бы придать смысл существованию, запрещено к исполнению просто потому, что жить пора молодым, а старик – хлам, которому пока позволено дышать, но пора уступить место: они ждут его квартиру.

Всё-таки утро вечера мудренее. Может, всё оказалось бы не таким страшным и безысходным, если бы надеялся на Высшие силы, может, дождался бы нового дня. Но Тимофей Ильич уже забыл об ангеле-хранителе, ведь всегда был убеждённым атеистом. Чудеса же случаются там, где в них верят, а здесь сколько ни прилагал стараний Хранитель – всё бесполезно.

«Иваныч», чайник на плите, устал ждать хозяйского чаепития. Обрадовался, когда Тимофей Ильич встал, наконец, и направился к плите.

– Квартира вам нужна? Натё, берите! – повернул он ручки газовой плиты и лёг на диван.

– Хозяин, а воды налить, зажигалку поднести? Забыл, что ли? – кричал чайник, но пара не было, свисток не включался. Без звука крик только друг услышит.

Тимофей Ильич не слышал. Или не хотел слышать.

Два монолога

«Никто никому ничего не должен. Очень распространённая формула отношений сегодня, а главное – очень удобная. Даже научные теории на этот счёт имеются. Так что базовый принцип на научной основе.

И правда. Ведь не просила я ни рожать, ни воспитывать, кормить, одевать, образование мне давать. Это только им, родителям моим, было нужно. Так что мы квиты. Они же делали, что хотели, а моя жизнь – только моя. Что решу, то с ней и сотворю. Чего с советами лезут? Сама большая. Ишь, вздумали мои границы нарушать. Не смей! Это моя территория, и я никому не позволю даже носочком на неё ступить!

У меня целый интернет под рукой. Они же почему-то считают, что могут мнение своё высказывать! Ещё чего! Для этого есть лавочка у подъезда. Отжили своё – вот там вам и место для выступлений. Кто вас спрашивает?! Никто! И нечего лезть с советами!

Кто хамит? Я?! Ничего подобного! Каждый, кто рот откроет, чтобы мнение высказать, сразу получит. По морде! По морде! Не-е-ет, не физически. Но словами – точно!

А при чём тут родная? Ну и что, что меня бы не было? Зато и слова бы мне тогда не сказали! А теперь я есть и почему-то должна слушать ваши глупости! Скажите спасибо, что матом не посылаю. У нас это просто, вообще на раз. Значит, всё-таки воспитали, и на этом хватит, а то люлей хапнете, глазом моргнуть не успеете!

Нужные?! Вот ещё выдумали?! Кому это вы нужны? Скажите спасибо, что хоть издалека на нашу кипящую жизнь смотреть позволяем.

Замолчали, я сказала! Или «заткнулись» вам понятней?

Во-во! Так лучше. И чтоб больше ни звука!»

* * *

Выслушав гневную тираду, отправилась старушка на лавочку и задумалась.

«Конечно, люди не живут и не будут жить ради меня. У каждого из детей своя жизнь. «Никому не досаждаю» – кредо моей бабули. Хоть и слова-то она такого не знала, но чётко понимала, что это главное правило добрых отношений.

Всю жизнь живу по этому принципу. Уверена была, что никому не досаждаю. Детей к себе не привязывала, отпустила и сына, и дочку. Квартиру четырёхкомнатную разменяла, чтобы никто не ждал моей смерти. Дачи детям подарила – каждому свою. А, между прочим, могла бы продать, деньги под хороший процент положить и купоны стричь. Нет. Не хочу, чтоб после моей смерти ссорились и делили наследство. Себе только крышу над головой оставила. Всегда в себя верила и верю, что справлюсь.

На ногах стою твёрдо. И в прямом, и в переносном смысле. Укладываюсь в скромную пенсию. От подарков не отказываюсь, но ни у кого ничего не прошу. За здоровьем слежу, спортом занимаюсь, чтоб никому на руки не упасть. Занятие по душе есть. Скучать некогда, живу интересно. Не названиваю, телефоны родным не обрываю и любви-внимания не требую. Раз в полгода вот вопрос задала и получила по полной.

Что же сделала неправильно? Басню Толстого «Старый дед и внучек» до школы детям читала. Нас, правда, атеистами воспитывали, библейских заповедей мы им не внушали, но сами родителей чтили и уважали. Психологи уверяют, что дети перенимают именно поведение, поступки родителей.

А что ж здесь-то получилось? Что же теперь в их головах? Даже не догадываются, что рубят сук, на котором сидят. Заповеди библейские устаревшими считают, а по новым жизненным правилам клыки и когти в ход пускают даже с самыми близкими людьми.

Границы свои, конечно, отменно защищать умеют, но того не знают, что не агрессия мир душе дарит, и не в агрессии радость и счастье. Ведь вместо этой отвратительной отповеди всего-то можно было сказать: «Не волнуйся, выберу лучший вариант из всех возможных».

Покачала старушка головой, не соглашаясь с кем-то.

«Не надо ради меня жить. Ради себя живи. Только счастливо живи, в любви да согласии с собой и миром. Не поймёшь, что к другим надо относиться так, как хочешь, чтобы относились к тебе, несладко будет. Но выбор каждый человек сам делает. Только не ошибись, милая!»

Девушка с пшеничной косой

Возвращаясь из школы, я почти каждый день видела её. Она была старше лет на пять-шесть – в шестнадцать воспринимаешь такую разницу, как целое поколение. Познакомиться не представлялось возможным, да и зачем? Но она вошла в мою жизнь, и я дала ей имя «Девушка с пшеничной косой».

Коса и в самом деле была по цвету, как золотистый сноп спелой пшеницы, и такой же плотной и толстой, длиной ниже пояса. Уже этого казалось достаточным, чтобы выделить девушку из любой толпы. Но она была хороша вся. Огромные глаза цвета морской воды, становились то прозрачно-голубыми, то насыщенными тёмно-зелёными, в зависимости от погоды и настроения. Прямой, чуть короче классического, вздёрнутый носик делал её необыкновенно милой. Губы были яркие, пухлые, совершенной формы, как будто рисовал их художник безмерного таланта и безупречного вкуса. И фигурка. Даже мне она казалась прекрасной и соблазнительной, что уж говорить о мужчинах. Они не только задерживали на ней взгляд, но и не могли отвести глаза, проходя мимо. Оставалось только удивляться, как их головы не отваливались от сворачивания шеи. Не девушка, а само Совершенство, красавица с обложки какого-нибудь глянцевого журнала. Неважно, что тогда их у нас не было. Для меня на пьедестале красоты она стала номером один.

Обычно Девушка сидела на выбранной лавочке с книжкой в руке. В жару белоснежное личико спасала от загара соломенная шляпка кокетливого кроя с украшениями из цветов, казавшихся живыми. Иногда Девушка поднимала глаза от страницы и спокойно оглядывалась вокруг, тихонько улыбаясь своим мыслям. Тургеневская барышня, умная, образованная, романтическая, чистая и верная – так я определила её характер. Не каждому откроет она своё сердце, но, если полюбит, пойдёт за любимым на край света, останется верна «и в горе, и в радости». Это же очевидно, по крайней мере, мне.

Девушка на лавочке, а лавочка – в центре курортного города, который принимает за сезон до трёх миллионов гостей. «Недолго тебе здесь сидеть, красавица, – думала я каждый раз, любуясь Девушкой с пшеничной косой. – Твой суженый уже в дороге. Не может он пройти мимо. Посмотри, сколько их, просвечивающих тебя как рентгеновскими лучами». Но Девушка глаз на них не поднимала, ни с кем не заговаривала. Да и не могла она проявлять инициативу, скромница же, не в её характере. А так как видела я Девушку каждый день, значит, никто из мужчин не решился присесть рядом и о чём-нибудь заговорить, о погоде, например.

Меня это не просто удивляло – заставляло ломать голову. Почему сильный пол игнорирует красоту, внешнюю и внутреннюю? Считают, что только бесподобный Аллен Делон имеет право с ней общаться? А им до него, как до Луны? Боятся, что вместо доброй улыбки и чисто-сердечного приветствия встретят холодный презрительный взгляд? С чего это вдруг? Слепому же видно, если она заговорит, с губ её упадут благоухающие розы. Так в чём же дело?

«Ты видишь сны о чудесах,

И гредишь ими наяву.

Лишь тает время на часах,

Как листья, падая в траву», – пришли на ум слова песенки.

Девушка с пшеничной косой слишком инертна. Ты здесь сидишь, как на витрине. Вовсе не всем нравится притягивать к себе внимание толпы. А точнее, мало кому захочется продемонстрировать свой интерес именно к тебе, такой необычной и яркой. Это значит, попасть в фокус внимания сотен людей вокруг. Все сразу начнут обсуждать пусть и мелкое, но всё же событие. Зачем оно им надо? Вот и проходят мимо. Стань проще, и люди к тебе потянутся. Серьёзные отношения начинаются чаще всего на работе или в процессе учёбы, где человека

можно увидеть близко. «Ступай в жизнь, красавица!» – мысленно пожелала я Девушке и отправилась на летние каникулы, уверенная, что она и сама поняла, где искать свою судьбу.

Каково же было моё удивление, когда и следующей весной увидела Девушку с пшеничной косой «на том же месте, в тот же час». А через несколько лет, гуляя в сквере с дочкой в коляске, опять наткнулась на неё, и изумлению моему не было предела. Она была ещё очень хороша, но в те времена к тридцати годам обычно становились мамами, а то и несколько раз, а после тридцати в карточке беременной писали оскорбительное определение «старородящая». И откуда слово-то такое взялось? Но так было. Девушка же всё сидела и мечтала.

Теперь она мне показалась корыстной. Что, не работает и не учится? Какой длины у неё отпуск, если сидит здесь месяцами? Может, это я такая наивная, а мужчины сразу видели, что Девушка просто предлагает себя, но никак не сойдётся в цене, ждёт того, кто готов заплатить дорого? А так как действительно богатых людей во всём мире всего три процента, при этом статистически в тогдашней моей стране их не было вовсе, а те, кто были, не бродили по улицам в поисках знакомств, то... Да, так и просидит она всю жизнь, не дождавшись желанных подарков. Обидно, досадно, но... То, что нам уготовано – судьба, а то, что получилось – автобиография. С такими данными так бездарно написать свою жизнь? «Но сделать выбор за неё не в силах даже Господь», – подумала я и мысленно попрощалась с Девушкой с пшеничной косой.

Неожиданно вспомнила о ней, когда заговорили с подругой о красивых женщинах. Она поведала историю, которая завершилась, когда мы были ещё детьми, то есть на поколение раньше. Но думаю, что ситуация повторялась тысячи раз в разные годы в нашей стране и за её пределами.

Алевтина, однокурсница матери моей подруги, была красива, как Софи Лорен и Джина Лоллобриджида одновременно. И что редкость, она была ещё умна, начитана и умела так заразительно смеяться понравившейся шутке, что прекрасно вливалась в любую студенческую компанию. Учились они в техническом вузе, где и девушки-то были наперечёт. Влюблялись в Альку не только однокурсники, а все, кто хоть раз её увидел, ну, или почти все.

«Уж кто-кто, а Алевтина первая замуж выскочит», – шептались с завистью девчонки за её спиной. Но... к пятому курсу это они все замуж вышли. Пункт должен быть выполнен, а иначе, где потом найдёшь мужа, равного по возрасту, образованию, социальному положению? А Алевтина так ни от кого из ухажёров предложения не дождалась.

На вопрос, почему он не женится, самый влюбленный поклонник откровенно признался: «Она – звезда. А я кто рядом с ней? На неё всю жизнь заглядываться будут, даже если она просто мимо пройдёт. А мне что, каждый раз в драку кидаться? Она – алмаз, ей огранка нужна. Это же вкалывать с утра до ночи, чтоб квартира, машина, дача. А если не справлюсь, уведёт её какой-нибудь состоятельный хлыщ. Ясно дело, детей растить лучше в достатке. Не-е-е, мне не потянуть. Вот полюбуюсь на красоту, а после института женюсь на обыкновенной девчонке. А Алечку всю жизнь буду вспоминать и радоваться, что была и у меня красивая любовь».

Что же было делать Алевтине? Перед выпуском приняла она предложение самого занюханного двоечника, который и по внешности был сморчок, а не мужик, и, не дожив до тридцати, умерла от онкологии. Это ничтожество, муж не мог простить её превосходство во всём и избивал постоянно. Сначала Алевтина потеряла нерождённого ребенка, а потом и саму жизнь. Она ей стала не нужна. Сломалась от того, что не любила и не ценила себя, от ложного стыда не быть, как все.

Это сейчас я такая умная, что могу поставить диагноз, а тогда тоже была уверена, да и воспитывали нас так, что главное – жизнь других: мужа, детей, близких и друзей, а твоя жизнь как будто и не ценность вовсе. Религия была гонима, а с ней и главная заповедь любой: «Возлюби ближнего, как самого себя». Сначала себя, а потом – ближнего. И неважно, что суть может быть выражена другими словами, получалось, что целые поколения не ведали ни

о любви к себе, ни о любви к ближнему. С ближним можно было дружить. Правда, заслуженно клеймили позором эгоизм, пьянство, воровство, все человеческие пороки. И при официально провозглашаемом лозунге «Человек – кузнец своего счастья» не замечалась важность каждой человеческой личности. Уж личности женщины – точно.

Потрясла меня трагедия Алевтины, с которой я и знакома не была, до глубины души. И с облегчением вздохнула, заметив в толпе Девушку, уже без косы – с модной стрижкой. Не попадалась она мне на глаза много лет. Слава Богу! Значит, не выбрала судьбу жертвы ничтожества. «Быть лучше одному, чем вместе, с кем попало», – с Омаром Хайямом я знакома, а ещё лучше, если ты жива и здорова – уже счастье.

Последний раз в родном городе я была год назад. Путь мой с пляжа домой шёл по центральной улице с модными бутиками всемирно-известных марок в роскошном квартале, как где-нибудь в Европе. Толпа медленно обтекала женщину с алюминиевой кружкой в руках. Её причёска, одежда говорили о достойной бедности, а табличка на груди кричала о нищете: «Люди добрые, помогите, на еду не хватает». Не узнать её было невозможно. И на восьмом десятке была она красива и стройна. Не знаю, где и кем работала, были ли у неё дети, которые не поддерживают мать в трудной ситуации, а может, так на всю жизнь и осталась романтической барышней, не способной заработать кусок хлеба. Не знаю. Да это и не важно. Щёки мои загорелись от стыда: в моей богатой прекрасной стране низвести человека до попрошайничества...

Как бы мне хотелось однажды увидеть прибранную аккуратную Девушку с пшеничной косой за столиком уличного кафе моего родного города. С улыбкой на лице она делилась бы своими последними новостями с подружкой. Обе попивали кофе, слушали крики чаек, радуясь солнечному дню и жизни.

Русская рулетка

Сентябрьский вечер. Время не позднее, но уже упали сумерки. В классики напрыгались, в ловитки* набегались, очередную страшилку про чёрную руку послушали. Чем бы заняться, пока никого домой не зовут?

Затейница Валька неожиданно предлагает посостязаться в смелости. Задача непростая: притаившись в придорожных кустиках, дожидаться, когда автомобиль максимально приблизится, и перебежать дорогу прямо перед его носом, верней капотом.

– А если не успеешь? – спрашивает Наташка.

– Тогда проиграешь, потому что бегать не умеешь, – отвечает Валька и добавляет: – Но у нас таких нет. А чтобы все были в равных условиях, выпрыгивать надо, когда машина пересекает переход. Вот тот, что метрах в двадцати от места, где будем прятаться.

– Кто победит? – интересуюсь я.

– Тот, кто перебежит дорогу, подпустив автомобиль максимально близко.

– Как мы это узнаем?

– Наблюдать буду. С остановки мне всё будет видно.

– Страшно же, – возражает Наташка.

– А я что говорю? Вот и проверим, кто у нас трус, а кто нет, – заключает Валька и ведёт нас по переходу на ту сторону дороги до места, которое она наметила.

– Наташа, домой! – раздаётся во дворе.

И вздохнув с облегчением, Наташка разворачивается обратно:

– Ребя, пока, мама зовёт.

Остаются два пацана, Витька с Мишкой, и я. Валька не в счёт, она судья.

Первым бежит Мишка и выбывает из соревнования:

– Ты бы выпрыгнул, когда машина только из-за поворота показалась, – хохочет Валька, а Мишка заливается краской так, что в темноте видно.

Витькин «бросок» Валька одобряет:

– Ты смельчак – в последний момент выскочил. И водитель до смерти перепугался: белее мела вокруг машины бегал, проверял, не задавил ли ребёнка. А может, уши хотел тебе надрать? – опять хохочет она.

Моя очередь. Отказываться стыдно. Будут потом издеваться, что струсил. Но внутри всё сжимается. Страшно до жути. Уговариваю себя, что справлюсь, я же хорошо бегаю.

Легковушка показывается из-за поворота. Рано выбегать. Вот приближается к переходу. Рывок! Я бегу, не дожидаясь, когда она его пересечёт. Бегу изо всех сил. В голове только одна мысль:

– Успеть!

Визг тормозов, но я уже на безопасной половине дороги. Там, к счастью, нет машин.

Хлопает дверца, и тишину вечера режет отборный мат.

Ещё рывок, и я скрываюсь в зарослях за детской площадкой. Не догонит. Не бросит же машину посреди дороги, чтобы повоспитывать чужого безмозглого ребёнка. Жив, и слава богу!

– Рановато ты, конечно, выскочила, но тебе можно – девчонка, – выносит вердикт Валька, на этот раз лишь улыбаясь.

Русская рулетка завершилась. Желание играть исчезло, и мы разбредаемся по домам.

* * *

Долго меня мучило воспоминание, что поддавалась уговорам и рисковала жизнью. Чего ради? Но сколько ни думала, никак не находила варианта выйти из игры без потери лица.

Это был памятный урок. Первое осознание влияния манипулятора. Есть редкие люди, которые не поддаются ни на уговоры, ни на гипноз, мне же, как большинству, пришлось всю жизнь учиться понимать перевёртыши, когда, используя твои главные ценности, толкают на неблагоприятные или рискованные поступки.

Энск. Салон красоты «Афродита»

Эвелина, Мастер-стилист

Главными моими инструментами являются фантазия, чувство современности, эстетический вкус, верный глаз и умелые руки. А ещё – непрерывное обучение. Когда занимаешься любимым делом, хочется знать о нём всё больше и больше.

Каких только курсов я не окончила – и в реале, и в сети. Не пропускаю ничего, что несёт хоть какую-то пользу. Работая на себя, не на сертификаты обращаешь внимание, а на своё растущее умение и радость довольной модели. Не случайно модель без кавычек: отношение к каждой гостье, как к женщине, что украшает и радует мир.

Она тоже казалась мне такой. Поначалу очаровала и заморозила, потом – удивила и поразила. А ты какой её находишь?

История разворачивалась несколько лет, с пробелами, которые помогла заполнить фантазия и то, что можно назвать слухами – то, что мы получаем как бы со стороны, и что имеет непосредственное отношение к событиям. Вы же знаете, даже в столицах все знакомы через третье рукопожатие, а уж в нашем провинциальном Энске, наверное, через одно.

Холодное блюдо

Глава 1

Директор солидного агентства недвижимости «Ангельский квартал» Пётр Васильевич Дмитриев проснулся среди ночи с сильно бьющимся сердцем: в крошечной темноте за окном выла сирена.

– Сдурели совсем. Ночь глубокая, а они на полную звук врубили. Даже если пожар, улицы же пусты, ничто не мешает скорость максимально увеличить, – заворчал он тихонько.

Но жена спала чутко и ответила мгновенно:

– Что ты, Петенька? Какая сирена? Мороз сегодня. Все по домам спят. Часа два тишина стоит. Слышно, как ветки от холода скрипят. Успокойся, милый, всё хорошо. Спи, дорогой.

Но спать Пётр уже не мог. Сердце бешено стучало в грудную клетку. Он отправился на кухню – успокоить его пустырником. Чтоб совсем не разогнать сон, свет включил только над плитой: видит кухонный шкафчик, где полка с лекарствами, и ладно. Открыл дверцу и замер в ужасе: в подставке салфетки, обычно белоснежные, рдели алым цветом, как кровью насквозь пропитанные. По кромке медленно ползла тяжёлая густая капля.

Волосы на голове зашевелились. Едва успел Пётр зажать рот рукой, чтоб не завопить громче давешней сирены. Сердце kloкотало уже в горле.

Подбежал к выключателям, щёлкнул, залил светом всё пространство. Тихонечко на цыпочках подошёл к шкафчику, дрожащей рукой потянул дверцу на себя – пошире, чтобы не приближаться. И опять чуть не заорал: белоснежные салфетки наполняли белую же подставку.

Обессилен, Пётр опустился на стул. Что это с ним? Звуковые и зрительные галлюцинации, тахикардия и безумные мысли. Переработал? Слишком устал? Может, отпуск взять? Ведь никаких трагедий последнее время не случалось. Никаких неразрешимых проблем над ним не висело. Он сделал хорошую карьеру именно благодаря светлой голове и силе воли. А сейчас что происходит? Он сходит с ума? И главное, что делать-то?

Возраст, конечно, не юный, скоро юбилей, и можно на пенсию. Но он же всегда чувствовал себя орлом. Роста выше среднего, плечи могучие. Седой ёжик только подчёркивает голубизну глаз. И на женщин до сих пор заглядывается. Даже жену любит. Пусть всего несколько раз в год, но факт есть факт. У него планов громадье – в будущем году филиал в соседнем городе открыть. Да и за здоровьем всегда следил. Каждый год – в санаторий: отдохнуть, подлечиться. И хобби: рыбалка, охота – только на благо. Иногда побаливало сердце. А у кого оно не реагирует на нервы и перегрузки? Чувствовал его и лишнего выпить себе не позволял. Но ведь как все, не больше.

Добила жена. Когда после часа на кухне, где пытался прийти в себя с помощью успокоительных средств, Пётр лёг в постель без надежды поспать хотя бы ещё немного и услышал спокойный голос:

– Петенька, похоже, тебе пора к врачу.

«Точно. Он сходит с ума, и это уже видят окружающие.»

До утра Пётр перебирал всех врачей, решая, с кого начать, где у него хуже всего. И если бы он знал, что эти события ещё даже не цветочки, а только бутончики грядущих.

Глава 2

Офис «Ангельского квартала» располагался в центре, минутах в двадцати ходьбы от дома Петра, но статус не позволял не только пешей прогулки на работу, но и прибытия за рулём собственного авто. Требовалось содержать шофёра, чтобы никому в голову не пришло, что финансовое положение агентства пошатнулось хоть на миллиметр.

Дорога на работу не радовала, как обычно. Музыка Пётр велел выключить и не любовался на заснеженные улицы в окно. Сидя позади водителя, он горестно размышлял, что за чертовщина привиделась ночью. Салфетки... Кровь... Что-то очень знакомое. Где-то это уже видел. Несколько минут память его ещё помучила и вдруг выдала яркую картинку.

* * *

Года три назад отдыхал Пётр в Кисловодске. Нравились ему горы, чистый воздух, солнечные дни и зелёные парки. После десяти лет совместной жизни решили они вместе с женой Светочкой, что надо и друг от друга отдыхать, хотя бы в отпуске, потому занимал он номер люкс единолично.

В отпуске все мужчины холостые, а все женщины делают вид, что этому верят. Прошло уже три дня, а ни в санаторном ресторане, ни на танцевальном вечере не приметил Пётр интересной женщины. И решил он, что, если и завтра к вечеру будет одинок, выберет одну из двух более-менее симпатичных, которые приглянулись.

Завтрак и чудесный кофе, за которым пришлось стоять в очереди к кофемашине, ничего не изменил, а вот в обед... Пётр сразу её заметил. Да и как было пропустить такие огненно-махагоновые волосы? Этот яркий пожар горел, как диковинный экзотический цветок, на весь ресторан. Можно было бы принять его за клоунский парик. Собственно, это и был парик, но носила его женщина со вкусом, в элегантном костюмчике. Если с каблуками, то среднего роста. А очки в тонкой золотой оправе совсем стирали первое впечатление избыточности цвета волос.

На ужин сестра-хозяйка, по его, конечно, просьбе, определила незнакомке место рядом с Петром. Когда встретились взглядами, женщина вежливо поздоровалась, приветливо улыбнулась. Представилась Светой. Он отметил, что имя, как у жены. Мало ли что.

Стол был шведский. Многие набирали полные подносы, да не по одному. Света взяла только запечённую рыбу, овощной салат и сок.

«Скромненько», – подумал Пётр, отправляясь за пирожным к чаю.

Когда он вернулся, Света захлёбывалась кашлем, прижимая ко рту несколько салфеток.

– Что с вами? – кинулся к ней Пётр, не зная, чем помочь.

– Врача, врача! – закричал он на весь зал. – Тут человеку плохо!

Немедленно прибежала медсестра. Когда же Света отняла салфетки ото рта, все увидели на них кровь.

Нечего говорить, что её срочно отвели к дежурному врачу. Пётр, как настоящий мужчина, вызвался её сопровождать. Пока выясняли, что с ней, и оказывали первую помощь, он томился у окна перед кабинетом.

Минут через сорок Свету вывела медсестра – ей было велено отвести пациентку в номер. Конечно, добрый человек Пётр с удовольствием взялся поручение исполнить.

По дороге выяснилось, что из-за таких кровотечений неясного происхождения Свету и отправили в санаторий. Организм очень истощён, огромная нехватка витаминов, микроэлементов, предполагают предраковое состояние. Посоветовали хотя бы через день употреблять чёрную икру.

– Как будто работаю в Силиконовой долине, а не простым учителем на полторы ставки с классным руководством. Чтоб сюда выбраться, в долги влезла. – На бледном личике Светы появилась грустная улыбка. – Интересно, где её взять, икру эту? А если и найду, сколько грамм купить смогу? Сами бы попробовали исполнить свои же рекомендации, – вздохнула она.

Когда на следующий утро Света заняла своё место для завтрака, перед ней стояла хрустальная вазочка с чёрной икрой.

Глава 3

Изумленный её взгляд Пётр встретил улыбкой.

– Все рекомендации соблюдены. Каждый день вы будете есть грамм сто пятьдесят. Больше врачи не советуют.

– У меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность, – пролепетала потрясенная Света.

– А у меня по этому поводу есть предложение. Давайте перейдем на «ты» сегодня же. И сделаем это в лучшем ресторане с бокалом самого вкусного местного вина. Люблю дегустировать новые напитки. У нас последнее время тоже стали появляться очень приличные. Не возражаете? – на одном дыхании выпалил явно заготовленный монолог Пётр. Света только закивала головой, соглашаясь.

Вечер в ресторане прошёл замечательно.

Дизайн зала соответствовал лучшим кавказским традициям: дорогая тяжелая мебель, несколько картин на голубых стенах, шикарный ковёр в приглушённых тонах. Невероятным образом сочетались коричневый, бордовый и даже чёрный цвет. Но летом приятней на бело-снежной веранде, увитой виноградными лозами. Гроздьё разной степени зрелости радовали глаз вкраплениями от ярко-зелёного до тёмно-фиолетового. Лёгкая резная мебель довершала картину изящного уюта.

Экзотические острые блюда Кавказа, лёгкое вино, живая музыка, бархатный ласковый голос певца – у обоих голова закружилась. А первый поцелуй на брудершафт убедил, что им очень хорошо вместе. И понеслась курортная жизнь: утром необходимые процедуры, а потом – прогулки, поездки, экскурсии.

Больше всего поразили их карликовые ламантины. Никогда они прежде о них не слышали. И не увидели бы скорее всего никогда, так как обитают они только на Американском континенте, если бы какой-то местный любитель редкостей не решил, что раз эти сирены могут жить в мелких прудах и питаться разной речной растительностью, то очень даже кстати придется в его усадьбе. Уж как он вывез млекопитающих, самца и самочку, история умалчивает, но запустив пару в парковый пруд, решил, что затея должна не только окупиться, а и принести прибыль. Посетителям, для которых экскурсии проводились индивидуально, разрешалось гулять столько, сколько хочется, любуясь ламантинами. Петру со Светой повезло: через час наблюдений те зарезвились, выставляя на обозрение то чёрную спинку, то белое пятно на брюшке. Посетители усадьбы остались довольны: они видели то, что не доступно другим.

Ещё один день прошёл в развлечениях и радости.

А вечер и ночь принадлежали только им двоим. Света практически перебралась в люкс Петра. Администрация теперь не обязана была следить за моральным обликом отдыхающих, а всех других курортников этот факт не волновал вовсе. И что интересно, кровотечения больше не повторялись. Кто же мог предположить, что...

Света была почти ровесницей жены, схожа с ней уровнем образования и воспитания, с таким же спокойным характером и выверенными манерами. Но между ними была пропасть. Пётр оказался совершенно очарован: под холодной внешностью северянки скрывался африканский вулкан. И неважно было, по природе или от долгого одиночества, а может, вообще влюбилась, во что, честно говоря, не верил, она дарила море радости и удовольствия. Главным было, что Пётр совершенно забыл о возрасте, сам удивлялся подвигам в постели, которых много лет не совершал, и ждал каждую ночь с нетерпением, успевая соскучиться.

Это настоящая сказка!

И никак не предполагал Пётр, что день отъезда вырастет в непреодолимую преграду, грозящую разрушить счастье двух взрослых серьёзных людей. С женой они прожили тридцать

лет. Вырастили дочек, нянчат троих внуков. О разводе и речи быть не может. Но... и потерять эту женщину он тоже не может.

Светлана вопросов не задавала, сцен не устраивала, по-прежнему встречала улыбкой каждое его слово, вот только пару раз заметил он грусть в её глазах. Как-то, отвернувшись, она смахнула со щеки слезу так, чтоб он не увидел. Но он заметил. И лихорадочно принялся придумывать, как же быть.

Вселенная услышала его мольбы. Позвонила секретарша и сообщила, что выходит замуж и уезжает в Питер – будущий муж дал на сборы две недели. Предупредила шефа сразу, чтоб задумался о новой помощнице.

– Слушай, а как ты посмотришь на то, чтобы поменять профессию, переехать в мой город и начать получать достойную зарплату? – решил он, наконец, спросить.

– Что ты имеешь в виду?

– В моей фирме образовалась вакансия секретарши. Нагрузка не как в школе, зарплата в несколько раз выше, и каждый день будем видеться. Мне страшно даже подумать, как буду тосковать по тебе, если сейчас расстанемся. Ну, что ты молчишь? – в тревоге спросил Пётр.

Света, сидевшая в кресле напротив, не поднимала на него глаз и продолжала молчать. Он замер, боясь, что ещё слово, и она возмущенно откажется. Ему казалось, от тишины у него сейчас лопнут перепонки.

– Не могу, – грустно прошелестел голос, – отказаться! – завопила Света, бросаясь к нему на шею с объятьями и поцелуями.

* * *

Воспоминания проплывали перед глазами, пока водитель вёз Петра до офиса.

Глава 4

В скромном и одновременно элегантно костюме, по правилам серьёзных компаний «белый верх, чёрный низ», Светлана встретила шефа улыбкой и тут же захлопотала:

– Пётр Васильевич, не выспались? Давление? Что-то беспокоит? Скажите, чем вам помочь?

Тот хмуро глянул на неё и чуть не рявкнул, вспомнив салфетки, с которых начался этот кошмар.

– Приготовь эспрессо и зайди в кабинет.

Ставя изящную чашечку на поднос, она лёгким движением смахнула в неё какую-то крошку.

– Ваш кофе, Пётр Васильевич. Что-нибудь ещё?

– Да. Мне надо пройти медицинское обследование. Запиши ко всем ведущим специалистам. И позаботься, чтоб расписание визитов было удобным, без суеты и пустого ожидания.

– Будет сделано, Пётр Васильевич, – Светлана записала что-то в блокнот. – Простите, пожалуйста, у вас такой бледный вид. Если неважно себя чувствуете, может, не следует пить горячий эспрессо так быстро? Может, вообще не надо пить кофе?

– А как, по-твоему, мне прийти в себя после бессонной ночи? Сил никаких, голова гудит, сердце колет, – то ли отчитывая, то ли моля о помощи почти выкрикнул Пётр Васильевич.

Светлана вытянулась в струнку, боясь вызвать взрыв гнева.», – пронеслось в голове.

– Всё, иди. Постарайся, чтобы уже сегодня попал к Марии Дмитриевне. Как договорись, сообщи сразу.

– Хорошо, Пётр Васильевич.

Заняв рабочее место, Светлана позвонила приятельнице Леночке, регистратору лучшей сердечной клиники, и попросила устроить Петру Васильевичу приём сегодня же. Если все часы у Симаковой, светила местной медицины, расписаны, то придумать что-нибудь и время найти.

– Леночка, в долгу не останусь, ты же меня знаешь. Не представляешь, как ужасно выглядит мой шеф. Краше в гроб кладут. Надо срочно что-то предпринимать. Прозевает Марья Дмитриевна инфаркт или инсульт, работу не потеряет, но считаться с ней никто больше не станет. Ты же знаешь, кто у Петра Васильевича зять? То-то и оно. В наших общих интересах перестраховаться. Он, конечно, мужчина крепкий, но сейчас мужики мрут как мухи. Не мне тебе рассказывать, – тараторила она, убеждая собеседницу.

Леночка всё поняла и пообещала перезвонить сразу, как определится со временем.

Светлана стала набирать номер квартиры директора. В этот момент из его кабинета раздался сдавленный крик:

– Света! – И ещё тише: – Све-е-е... – Послышался глухой стук упавшего тела, и всё стихло.

Она взглянула на часы и, услышав в трубке: «Алло» – жены директора, заговорила трагическим шёпотом:

– Светочка Викторовна, что с Петром Васильевичем? Пришёл утром, лица на нём нет. Вам не кажется, что хватит ему работать? Может, пора себя поберечь? Сердце разрывается видеть его таким.

– Звоню пока он в отдел ушёл. Сегодня же постараюсь записать его к Марии Дмитриевне. Но мне кажется, что со здоровьем шутки плохи. Тем более для мужчины его возраста. Простите меня, пожалуйста. Какой начальник слушает секретаршу? Поэтому буду молчать. А ваши слова он обязательно примет во внимание. Вы только не выдайте, что беспокоюсь, а то накричит ещё, что лезу не в своё дело, а мне тяжело видеть, как гибнет такой прекрасный человек.

– Ладно. Как только узнаю, что Мария Дмитриевна ему порекомендовала, сразу вам позвоню.

– Не волнуйтесь, Светланочка Викторовна. Всё будет хорошо. Главное, момент не упустить. Всего доброго. – Положив трубку, Светлана опять посмотрела на часы и направилась в кабинет директора.

Пётр Васильевич лежал на боку. Видимо, попытался встать и не удержался на ногах. Похоже, начинает приходить в себя: дернулся рукой, пытаясь сжать её в кулак.

Светлане, конечно, было неведомо, что сейчас перед ним как на замедленной плёнке проплывала та памятная сцена, в которой, узнав, что шеф начал отношения с молоденькой сотрудницей, она не удержалась и вlepила ему звонкую пощёчину. Замахнулась для второй, но Пётр Васильевич как клещами охватил оба её запястья парализуя. И смешно выглядели её конвульсии – то притягивая, то отталкивая партнёра, она как будто разрывалась между двумя одновременными желаниями: прижаться и убежать. Но у нелепого эпизода оказался счастливый конец. Светлана замерла, подняла на него глаза и, весело улыбаясь, сказала:

– Да ладно, отпусти уже. Пошутить нельзя. А то что-то пресными стали наши отношения.

Но это там, в меркнушем сознании Петра Васильевича, а в реальности, взяв со стола поднос, Светлана тщательно вымыла блюдце, чашку, ложку и поставила в сушилку. Потом открыла дверь в коридор офиса и истошно завопила:

– Помогите! Помогите! Директору плохо!

Затопали ноги, зашумели голоса, в приёмную набивался народ.

Сунув кому-то нашатырный спирт и ватку, она велела привести Петра Васильевича в чувство, сама же стала накручивать телефон, вызывая скорую. Врачи приехали минут через десять, что-то укололи Петру Васильевичу и увезли его в больницу с подозрением на инфаркт.

Глава 5

Больно горели глаза. А, это солнце! Такое яркое, что слепит, и тёмные очки не спасают. Так горячо печёт за грудиной. Ну и денёк сегодня!

Пётр обернулся к Свете. Волосы её блестели и переливались на солнце живым пламенем. А глаза! Обычно спокойного оливкового цвета, сейчас они призывно светились майской зеленью. Губы, раскрывшиеся в улыбке, маня сочностью, звали к поцелуям.

«Наконец-то, девочка моя, дождался!» Он безумно хотел близости, но только ответной, чтоб наслаждаться вместе. А после ресторана Света, видимо, приглядывалась, присматривалась, размышляла и была холодна целых три дня.

Сегодня после обеда они отправились на экскурсию посмотреть водопады. На обратном пути сделали остановку напротив поля пшеницы, что раскинулось за быстрой, но мелкой горной речушкой.

– Хочу туда, – шепнула Света.

Пётр медлить не стал – подхватил её на руки и, как был – в шикарных туфлях, ступил в холодную воду. Света обняла его за шею. Рука её ощущалась такой горячей, что кажется, обжигала кожу. Но это ерунда. Желанная женщина сама прижималась к нему, она тоже его хотела.

Выбравшись на сушу на другом берегу, они вместе помахали автобусу с экскурсантами: «Поезжайте без нас!» – и, взявшись за руки, весело пошли по дорожке вдоль поля, пока не оказались одни на всём белом свете.

Пётр решительно повернул в посевы, оглянулся на Свету и понял, что чувствуют они одно и то же. Он опять подхватил её на руки, унёс от дороги и метров через двадцать бережно опустил на землю.

Глядя глаза в глаза, она начала медленно расстёгивать пуговички нарядной блузки, произнося:

– Не спеши, милый. Поцелуй меня.

Терпение было на пределе, но ему так хотелось почувствовать вкус её кожи, её запах, насладиться чудными изгибами тела! Пётр замедлился в нежности, сгорая от желания.

Он целовал её лицо, шею, плечи, распахнул блузку и ласкал обнажённую грудь. Та, как будто была создана для него: небольшая, но ладонь его наполнила полностью, отвечает на ласки восставшими сосочками.

Как она хороша! Венера! Тонкая талия и широкие бёдра.

Света горячими руками гладила его спину и целовала тело там, где оказывались её губы.

Теперь можно всё!

Взрыв превзошёл все ожидания! Он никогда не кричал, а тут вопль просто вырвался из горла в момент высшего взлёта, широко разливаясь в синеве неба, золотом шелесте полных колосьев пшеницы, на просторе свободной исконной природы. Как хорошо! Как легко! Блаженно!

Откуда-то сверху раздался голос:

– Быстрее колите. Мы его теряем!

Глава 6

Внезапной смерти от сердечного приступа удалось избежать. Успели. Довезли. Сразу в реанимацию. Все приборы подключили, все анализы взяли.

Минут через пятнадцать Пётр Васильевич пришёл в себя и очень удивился, почему он в больнице, весь опутанный проводами, датчиками и трубочками. Дежурная медсестра объяснила и пообещала, что через день-другой переведут в обычную палату, и тогда родственники смогут его навещать. Конечно, если всё будет хорошо, и он пойдёт на поправку. Но этой детали она добавлять не стала, чтобы не вызывать у пациента тревогу. А пока – строжайший постельный режим, абсолютное спокойствие и полный отдых.

Пётр Васильевич сопротивляться не собирался. Сил не было даже пошевелиться, не то чтобы куда-то рваться. Он послушно закрыл глаза и расслабился.

Две Светланы в это время общались с главным врачом. Сообщив Светлане Викторовне о сердечном приступе мужа, секретарь директора Светлана Петровна заехала за ней по дороге в больницу.

Светлана Викторовна времени тоже не теряла. Пока ехали, через зятя, не последнего человека в городе, получила разрешение переговорить с главным врачом. Он человек новый, не хотелось врываться к нему с улицы. Совсем другое дело – разговаривать по просьбе одного из руководителей города.

Алексей Иванович оказался из тех мужчин, возраст которых определить невозможно. Стройный, подтянутый, даже сухощавый. Аккуратная стрижка, никаких морщин, приветливая улыбка. Не врач, а модель из глянцевого журнала. Ясно, что полтинник уже есть, но точный возраст?.. Да это и не важно. Человек, который так ценит собственное здоровье, так же бережно относится к здоровью других, и это сейчас самое главное для жены.

Светлану Викторовну доктор успокоил, как мог. Пообещал взять пациента под личный контроль. А когда записывал имя-отчество будущего подопечного, остановился и поднял взгляд на посетительницу.

– Пётр Васильевич Дмитриев? Невероятно! А возраст? Лет пятьдесят шесть – пятьдесят восемь? Знал, что он живёт в этом городе, надеялся встретиться, но никак не ожидал, что так скоро и при таких обстоятельствах, – воскликнул доктор и поведал удивительную историю.

* * *

– Да, вы не удивляйтесь. Мы с вами не знакомы, а вот с мужем вашим очень были близки, когда в армии служили. Можно сказать, братья по крови. В учебке подружились, узнав, что из одного города.

Оба в армию не собирались, но срезались на вступительных экзаменах. Он на юридический в университет поступал, я – в медицинский. Это сейчас в десять мест заявления подавай, куда-нибудь возьмут. Не на бюджет, так за деньги. А тогда всё просто: пролетел – изволь бриться. Два года ох каких нелёгких испытаний для мальчиков из интеллигентных семей!

Короче, выручали мы друг друга не раз. Полгода до дембеля оставалось, и тут Афган.

Медициной я всю жизнь интересовался, хоть у меня все учителя в семье. Мог бы сам закосить и товарища научить, но это же позорище! Мы что, предатели или трусы? Наши отцы оба войну прошли, Родину от фашизма спасли, а мы сейчас, как последние подонки, за мамкину юбку спрячемся? Мы и не раздумывали с Петькой, сразу заявление написали.

Небось, не рассказывал, как чуть оба не погибли?

Мы связистами служили. Бывало, и под огнём провода тянули, без связи же войска слепыми становятся. Потому и душманы на наш пункт нападали. Страшно вспомнить те крова-

вые шесть месяцев. Сколько ребят погибло! Но нас судьба берегла. До последнего дня службы в Афгане.

Как-то взводу, изрядно потрёпанному в боях, предстоял перелёт на другую базу. Загрузились в две вертушки. Взлетели утром, пошли на низкой высоте. А над ущельем наш Ми-8 словил стингер от душманов. Пилоты – молодцы, совершили вынужденную посадку, никого не угробив, да духи притаились недалеко. Много их было. Начали обкладывать со всех сторон, чтобы пойти в атаку. С лётчиками и пятью бойцами мы заняли круговую оборону. Когда началась стрельба, договорились с Петькой, если кто из двоих живым выберется, тот мать товарища в беде не оставит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.